

«СЕ-
ВЕ-
РЯН-
КА»

«СЕВЕРЯНКА»

МОСКВА ● СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ● 1986

очерки и рассказы

Станислав ПАСТУХОВ

Александр БЕЛАЙ

Александр БРАГИН

Владимир ЕРЕМЕНКО

Николай ВОРОНОВ

Анатолий ШАВКУТА

Иван ПАДЕРИН

Анатолий АФАНАСЬЕВ

Юрий ТЕШКИН

Владимир КРУПИН

Валерий РОГОВ

Руслана ЛЯШЕВА

Леонид КОКОУЛИН

Аркадий САВЕЛИЧЕВ

Владимир МИРНЕВ

Александр ВИКОРУК

Юрий ГАЛКИН

Вячеслав ШУГАЕВ

Владимир МУССАЛИТИН

Евгений ДВОРНИКОВ

Георгий ОВЧАРЕНКО

Эрнст САФОНОВ

Гарий НЕМЧЕНКО

П Р Я Н К А

«Северянка» — крупнейшая в мире домна, сооружаемая на Череповецком металлургическом комбинате. В художественно-публицистической книге, состоящей из эссе, очерков и рассказов московских писателей, повествуется о горячих буднях строителей, возводящих этот уникальный объект.

Составитель *В. С. Рогов*

*Рисунки народного художника РСФСР
Владимира ВЕТРОГОНСКОГО*

Макет и оформление Дмитрия МУХИНА

ГЛУБИННАЯ СВЯЗЬ

Писатель и пятилетка... Литература и пятилетка... Эти понятия неразрешимы. Они насыщены большим смыслом, в них заключен большой опыт жизни и искусства.

Одиннадцатая пятилетка принесла нашей Родине новые исторические завоевания. Добрую память она оставляет буквально всюду. И не только в виде современных объектов промышленности, транспорта, сельского хозяйства, науки и культуры, но и теми глубочайшими социальными, экономическими, духовными сдвигами, которые еще больше укрепляют коммунистические основы нашего повседневного бытия, еще больше пронизывают наш труд, наши помыслы, наши стремления все сильнее светом ленинских идей. За годы одиннадцатой пятилетки советские люди еще теснее сплотились вокруг родной Коммунистической партии, еще выше подняли победоносное знамя мира и коммунизма.

Как и во все другие периоды нашей истории, ведущую роль в борьбе за выполнение решений XXVI съезда КПСС, планов одиннадцатой пятилетки играл великий рабочий класс Советской державы. Его патристические инициативы, неукротимая энергия оказывали воодушевляющее воздействие на всех советских людей, придавали социалистическому соревнованию подлинно всенародный размах, работу отдельного человека, труд целых коллективов насыщали духом истинного творчества.

Индустриальное могущество нашей Родины, ее высочайшая оборонная мощь, которая сегодня, в сложных международных условиях, останавливает империалистических безумцев всякий раз, перед тем как они хотят нажать кнопки своих ядерных систем, — это новая величайшая победа миролюбия советского народа, новый подвиг рабочего класса, новое торжество разума нашей партии!

Проходят события масштабные, совершаются дела исторического значения. И в такое время требуется, чтобы писатели находились в водовороте жизни. Мы должны нести миру правду о нашем человеке, о его мужестве, о его упорстве и героизме, о его подвигах!

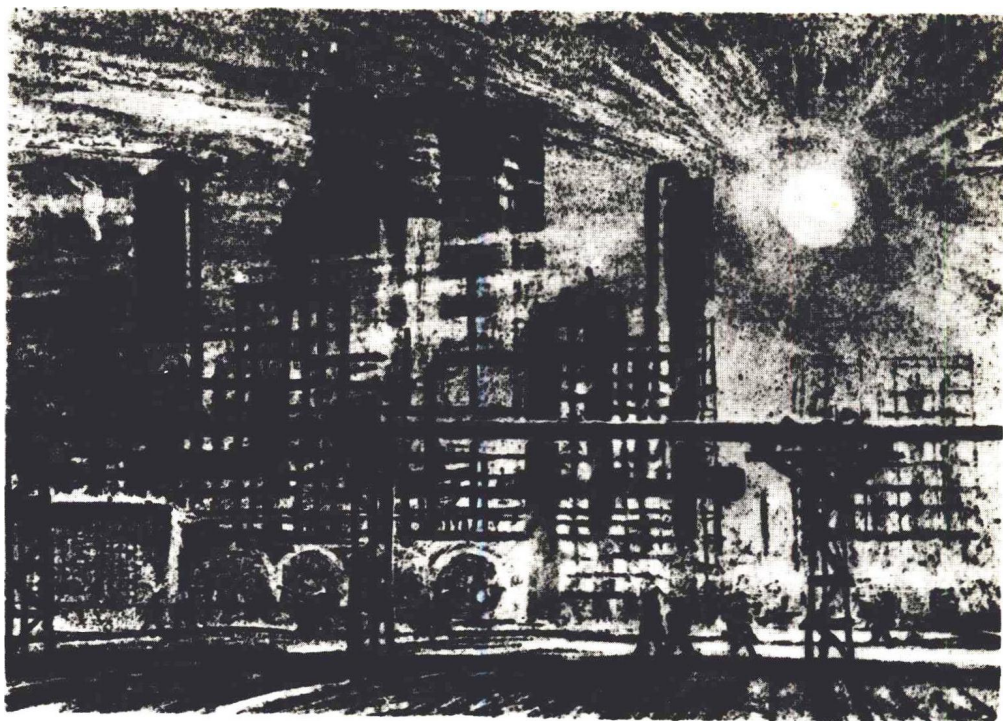
Серьезному повороту советских писателей к жизни рабочего класса способствовало установление более прочных связей литературы с трудовыми коллективами. Примером этого может служить содружество московских писателей со строителями крупнейшей в мире домны «Северянка», которая сооружается на Череповецком ордена Ленина металлургическом комбинате имени 50-летия СССР. Московская писательская организация, журнал «Наш современник» и издательство «Советский писатель» заключили с Всесоюзным объединением «Череповецметаллургхимстрой» договор, согласно которому на протяжении почти всей одиннадцатой пятилетки литераторы столицы были, можно сказать, участниками возведения «Северянки».

Результатом этого содружества является коллективная книга писателей о Всесоюзной ударной стройке, которую они подготовили к XXVII съезду партии. Благодаря тому, что это содружество является многолетним и многоплановым, в сборнике присутствуют не только произведения публицистические и очерковые, но и чисто художественные. А поэтому вновь хочется подчеркнуть необходимость г л у б и н н о й с в я з и литературы с жизнью народа, с жизнью трудовых коллективов.

В самом деле: на страницах книги вы, дорогой читатель, познакомитесь с трудом и думами рабочих, бригадиров, мастеров. С их беспокойной, кипучей деятельностью. И не только их, но и инженеров, руководителей стройки. Всем им ежедневно приходится сталкиваться с многими проблемами, искать оригинальные решения при возведении этой уникальной домны. Для писателей же кровная связь со строителями «Северянки» явилась той творческой лабораторией, в которой рождаются правдивые рассказы, повести, романы — рождается истинная литература социалистического реализма.

У нас есть все: и желание, и возможности, а главное, советская многонациональная литература располагает немалым числом талантливых мастеров всех поколений, способных вдохновенно и сильно нарисовать тип рабочего человека 80-х годов, деяния современников. Сборник «Северянка» служит этой благородной цели.

ГЕОРГИЙ МАРКОВ

Станислав ПАСТУХОВ

ТОВАРИЩИ

строит «Северянку» — весь ее комплекс, развернутый на площади диаметром более десяти километров, — свыше четырех тысяч человек. Непосредственно же пятую домну, домну-великаншу, монтирует, собирает по частям да частицам участок старшего прораба Михаила Ильича Томилина. Михаил Ильич — человек уже немолодой, скоро собирается выходить на пенсию. В свое время поднимал он в Череповце первую домну, с которой, собственно, и началась затем новая, блистательная история некогда малоизвестного заштатного городка. Сооружал домну вторую, третью, четвертую. И вот возводит пятую — крупнейшую в стране...

Строительство домен Михаил Ильич начинал совсем молодым человеком и на своем «воздвиженческом веку» насмотрелся многого, привык и к пышкам, которые время от времени выдают людям его профессии, и к обязательным для них же шишкам относиться философски. Во всяком случае, открыто чувств своих ни по тому, ни по сему поводу не высказывает. Но тут вдруг и Томилин разволновался: дела по участку шли самым лучшим образом, душа радовалась, да откуда ни возьмись — челябинские металлурги что-то портиться начали, перестали вовремя поставлять заказанные им конструкции. А как же дальше печь строить?

Ну, Михаил Ильич обратился к руководству своего треста «Череповецстальконструкция», да что толку: руководство ответило, что Челябинск-де далеко, не дотянешься — подождать придется. А тут на участке как раз пересменка. Первая смена, можно сказать, в основном веничком работала, то да се подметала, и второй предстояло тем же заниматься...

— Что делать-то будем, Ильич? — окружив старшего прораба, подступили к нему монтажники...

— Не знаю. Челябинск ведь далеко, — отвечал он.

— Ну, сходи поближе куда — к начальству...

— Ходил, да что толку...

Снял каску, погладил рукой голову, что является у Михаила Ильича, можно сказать, признаком высшего волнения, и тяжело вздохнул. Замолчал...

— Что ж, тогда мне придется идти, — в сердцах бросил Иван Васильевич Хомич, один из стоявших рядом монтажников.

Прежде чем объяснить, почему вдруг он, Иван Васильевич, взял на себя миссию «идти», познакомимся с ним поближе.

Иван Васильевич Хомич по отцу и матери украинец, но родился в этих вологодских краях, а потому считает себя «чистопородным» вологжанином. Говорит певуче, но не по-южному, не по-сумскому, а по-северному, ни одного «о» не обходя в своей речи. Ростом ниже среднего, плечи гирями, грудь колесом. Добряк, что ни делает — с усмешечкой. Даже о железяку споткнется — не чертыхнется, а рассмеется. В общем, Иван Васильевич — не грозный. Однако строг к работе и порядок любит. А потому начальство никак не дает ему в рядовых походить, чтобы в основном только за себя отвечать. Строил в Череповце четвертую доменную печь — в бригадирах строил. Конверторный — тоже...

— Хорошие ребята были тогда у меня, — вспоминал он, а я вот мучаюсь с листом бумаги, не в силах передать на ней певучесть его «о»...

Тут надо было ехать за рубеж — ставить в одной из пальмовых стран металлургический завод. Кого туда командировать? Конечно же лучших специалистов, а это значит — Ивана Васильевича и таких, как он. Четыре года строил Хомич — опять бригадиром! — в той стране доменные печи, конвертор, прокатный стан. Не все рядом с ним выдерживали; заболел, уехала домой и жена с сыновьями. А «вологодский украинец» претерпевал и жару неистовую, и вирусы разные.

— Нет, климат ихний меня не брал, — вспоминал Иван Васильевич. — Тоска скрутила...

Пока работал — ничего, вроде бы так и надо, а вышел за стройку — хоть плачь. И море плещется рядом, и бананы, кокосы под рукой, ешь — не хочу, а хоть кричи, так леса северного хочется, лисичек да бруснички. Барханы поодаль виднеются песчаные, солончаками, белой солью покрытые, а перед глазами — просторы сугробные, Шексна подо льдом. Нет, не вынес Хомич той страны пальмовой.

Вернулся домой, а прежняя его бригада за годы отсутствия сама собой распалась — кто куда. Определили Ивана Васильевича к Виктору Даниловичу Тиханкову. Вздохнул посвободнее — поспокойнее стало. Но недолго Хомич походил в рядовых. Снова его выдвинули бригадиром: давай, мол, новую бригаду строй. И оказалось, что в самое время выдвинули, потому как уже соскучился он к той поре быть с краю, а не впереди. С сердцем человеческим разобраться трудно: то то ему, то другое подавай.

Прошел еще один год, избрали Хомича в областной Совет народных депутатов, членом парткома треста, ввели в состав комиссии по делам строительства, поручили шефство над ребятами из школы. Право же, насколько Иван Васильевич не грозный и не сердитый. Иначе школьники бы от него кучей, а они, наоборот, к нему гурьбой. Но в ту минуту, когда старший прораб пришел от руководства с плохими вестями, он, Хомич, сильно разозлился, а потому решил сам «идти».

— Правильно, Ваня, сходи-ка сначала ты, а потом посмотрим, как дело пойдет, — сказал его недавний бригадир Тиханков...

Вот уже дважды называю фамилию Виктора Даниловича. Познакомлю и с ним поближе.

С Тиханковым мы, можно сказать, сверстники и земляки, и мне легко представить себе схожее с моим его детство, отрочество. Легко увидеть и тот день, когда бежал он из больницы, и понять причины, побудившие сделать это.

Каким-то образом в деревню Хутор Быховского района на Могилевщине попало объявление ленинградской строительной школы о приеме на учебу молодежи с четырнадцати лет. Все мальчишки седьмого класса, где учился Виктор Данилович, решили ехать на берега Невы. И не белые ночи их туда потянули, хотя и о них были мальчишки начитаны и очень хотелось им посмотреть белые ночи, — нет, а именно то, что там, в прекрасном городе, который и меня потом влил в себя, будут обучать строительным профессиям.

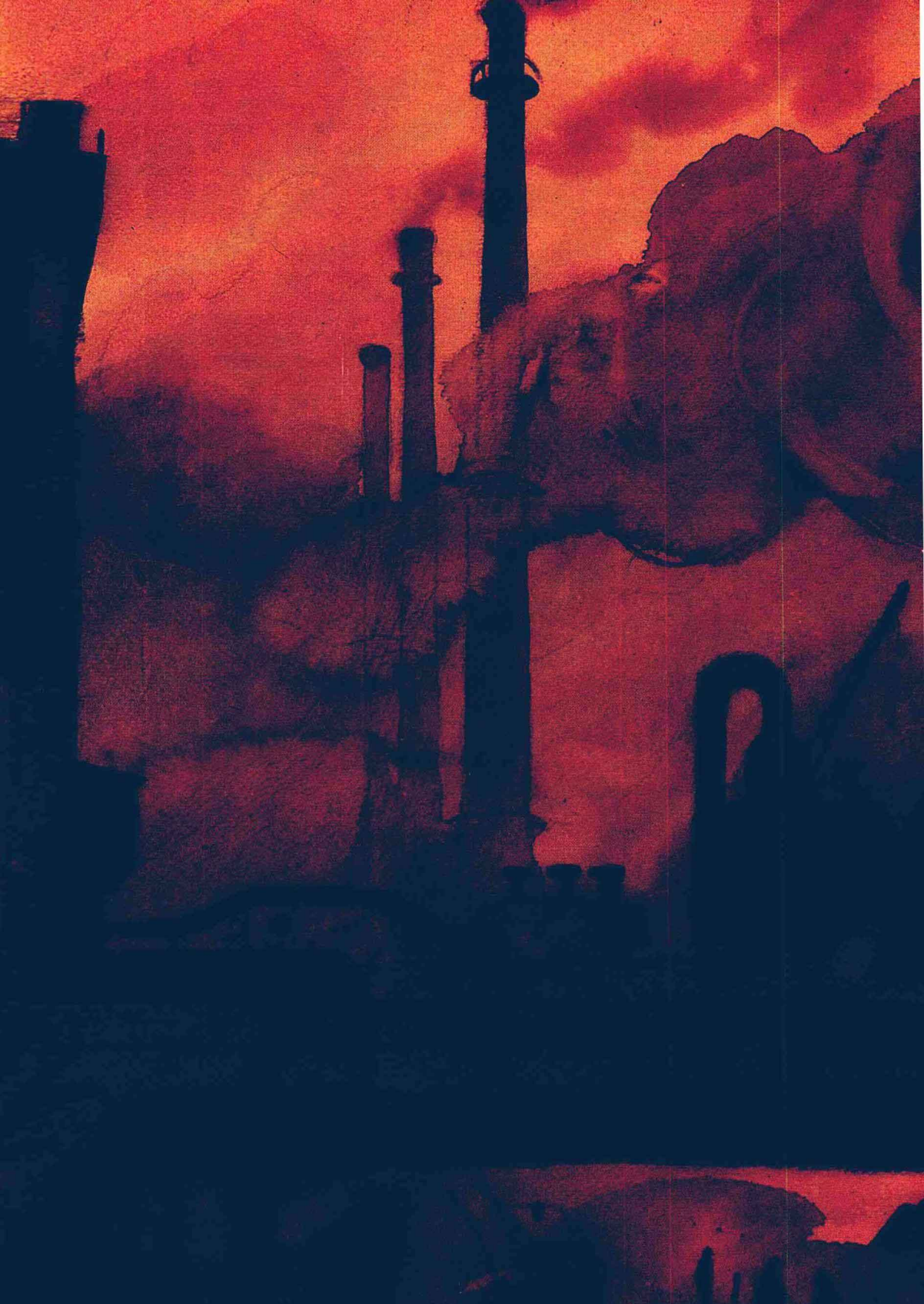
А ничего лучше этих профессий для нас тогда не было. В войну, еще столь памятную, были сожжены белорусские города и села, и плотники, каменщики, штукатуры возводили на глазах наших новые, и кепчонки-многоклинки падали к ногам нашим босым, как задирали мы головы на мужиков, наводящих стропила над хатами. Ах, как ловко, удало как! Высоко!

Высоте-то и было метра три-четыре.

В объявлении же говорилось, что в строительной школе можно получить специальность монтажника, а это, объяснял учитель, не хатенки строить, а заводы, фабрики. Ух, головы уже не запрокинуть перед такой высотой! Только если ляжешь в лугах на спину, ляжешь так, чтобы глазами упираться в небо, только тогда и можно было рассмотреть те дали, куда звало объявление.

Возвращаясь домой с тех мечтательных лугов и не выйдя целиком из тех снов луговых, Виктор Данилович упал с лошади — кто в наши годы не падал с них? — и поломал ногу. Угодил в больницу. И вдруг узнал, что однокашники его — пришло время! — поехали в Ленинград. Ай-ай, что делать? Нога вроде уже и не болит, но и не сгибается, идти не дает. Расковырял ножиком гипс, освободился и — в окно, домой. Фанерный чемоданчик в руки — и на станцию...

В Ленинград мы приезжали на Витебский вокзал. Мне на одиннадцатом трамвае дальше, к Неве, а Виктору Даниловичу здесь же — через

трамвайную линию. Отсюда, из строительной школы, весь его выпуск был направлен в Череповец строить металлургический завод.

Вот она, та высота, о которой мечталось: голова закружилась, вниз глянувши! Бедовая голова, толкнувшая его однажды без страховки пойти по брусу над бездной. Так, не из надобности, а из баловства, ухарства. Спустя время, уже отслужив свое в армии, четыре года на подводной лодке, где в партию вступил и стал «батей» — старшиной команды связистов, будучи уже отцом семейства, Виктор Данилович снова «впал в детство», забаловался...

Строили они тогда углефабрику, и в ту смену Тиханкову выпало работать в паре с бригадиром. Надо было одну из конструкций перенести краном в другое место и поставить ее там, укрепив. Ну, бригадир и говорит: «Чего лазать туда-сюда будем. Давай, Витя, и мы краном попользуемся». Так и сделали: с лестницы, прикрепленной за верхушку конструкции, не слезли наземь, а вместе с ней, с конструкцией, на лестнице поднялись в воздух, поплыли, словно птицы, только бескрылые. Вдруг как дернет!

— Я думал, что это конструкция оборвалась с крюков, — рассказывал мне Виктор Данилович, — а это — лестница...

Бригадир был ступеньками выше — обрушился на плечи Тиханкова. Но Тиханков что было сил вцепился в лестницу и удержался, а бригадир, «отрикошетив», дугой полетел дальше. А Тиханков раскачивался на лестнице, словно пестик какой невероятный среди невероятных лепестков — стальных балок, листов и кружев. Спустя миг понял: лестница воткнулась в землю и клонится долу, вот-вот готовая рухнуть. Тут он и оттолкнулся от лестницы, прыгнул...

— Иначе я упал бы на груды балок да реек подо мной...

Если бы Тиханков не удержался на лестнице в тот миг, когда «на голову свалился бригадир», они оба грохнулись бы об эти балки, и «ни один хирург их не собрал бы». А так оба живы. Бригадир, правда, поломал руки, сильно головой ударился и долго лежал в больнице, а вылечившись, сменил место работы, в бригаду не вернулся.

Бригадиром назначили Тиханкова.

Вот уже семнадцать лет руководит он одной и той же бригадой. Приходят к нему новые люди и уходят, — скажем, Виктор Карцев и Саша Лыткин бригадирами к другим ребятам, — а Тиханков все прежний, все не устает твердить молодежи, особенно совсем «зеленой», каким и сам был когда-то, не устает твердить солдатам вчерашним, что правила техники безопасности надо знать как пять пальцев на руке, а соблюдать — как устав воинский. Каждая буква там и там кровью писана.

Слушаются ребята «батю» — ни одной производственной травмы в бригаде нет. Ну, царапина-другая бывает — так это вроде прививки от оспы. На пользу делу...

Надо бы рассказать здесь еще и о третьем бригадире-коммунисте — о Евгении Трофимовиче Валуеве. Как окончил он вместе с Тиханковым ленинградскую строительную школу и одним с ним поездом приехал в Череповец искать свою высоту. Как Героем Социалистического Труда стал. Но в те дни, что был я в Череповце, Евгения Трофимовича там не было, вместе с бригадой командировали его на сверхсрочный и сверхсложный объект в другой город. Не встретились.

А потому подробнее расскажу еще об одном коммунисте прорабского участка — о молодом мастере Иване Онуфриеве. Будучи студентом Московского инженерно-строительного института, он при распределении на

практику попросился именно в Череповец, поскольку здесь когда-то, в свои молодые годы, его отец строил мартены и много затем интересного рассказывал сыну. После Череповца отец работал в Липецке, Москве, был начальником монтажа на строительстве Кремлевского Дворца съездов, затем — на крупном руководящем посту. Дед тоже строил — сахарный комбинат, атомную электростанцию. Восстанавливал Донбасс, был заместителем министра... Сейчас на пенсии, в девятом десятке лет. Внука любит беспредельно...

Деда зовут Иван Александрович. Отца — Александр Иванович. Внука опять — Иван Александрович. Если будет у внука сын — снова Александр Иванович, тоже строить будет. Таковы Онуфриевы...

Внук Иван закончил МИСИ с красным дипломом, иначе говоря сплошь на «отлично» и, таким образом, с правом на свободное распределение. То есть свободно мог остаться в столице — при отце с дедом. Но внук Иван беспредельно «любит свободу», независим и самостоятелен в своих решениях. И попросился потому туда, где практику проходил, где впервые почувствовал дело в собственных руках. И работает в Череповце.

Живет в общежитии, хотя мог бы получить и квартиру, но для этого жениться надо — не на одного же получать ее, — а жениться некогда: то работа адова на домне, то партийные поручения. Ведет Иван политучебу в комсомольской сети, руководит городским клубом туристов. На лыжах с гор кавказских катается, по речкам сибирским путешествует. Счастливеец!..

— Мастер наш — отличный парень, весь в отца, — рассказывал бригадир Тиханков. — Как-то захватил я из дому и принес на домну старый строительный журнал с фотографией, показываю: «Узнаешь, Ваня?» А он: «Ой, так это же вы, Виктор Данилович, но только в молодости». А я: «Правильно, Ваня. А рядом кто?» Он: «Ой, да это же папка мой молодой!» Так уж пришлось, что сперва с отцом довелось работать вместе, а теперь вот с сыном. Отличный парень...

Такие же точь-в-точь слова слышал я от Виктора Даниловича и в другой ситуации о другом человеке — на заседании парткома Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой», когда принимали в партию молодого, но лучшего среди лучших — электросварщика, депутата городского Совета Николая Жихарева.

— С Колей мы рядом работаем, отличный парень, — сказал тогда член парткома Тиханков, и Жихарева тут же приняли.

Назову имена еще двух молодых коммунистов-рабочих — Н. Нуйкина и С. Рябцева, и, таким образом, получится, что перечислю весь состав партийной группы прорабского участка, ведущего монтаж пятой домны. И, пожалуй, теперь уже можно приступить к объяснению, почему не мастер Онуфриев, не авторитетнейшие бригадиры Валуев с Тиханковым, ни другой кто, а именно Иван Васильевич Хомич взял на себя миссию «идти», дабы, невзирая на отдаленность челябинских металлургов, все-таки как-то потревожить, поторопить их с изготовлением конструкций, столь необходимых для монтажа «Северянки». А потому именно, что он, Хомич, является старшим в партгруппе — партгруппоргом.

Спросите, велик ли чин быть в таком звании? В общем-то, конечно, невелик. Недаром ведь партгруппу обычно называют низовым звеном, ячейкой партии. Три человека в ней — самое малое, десять — уже много. Примерно отделение, если снова перейти на армейский словарь, и командирская должность здесь — не офицерская...

— Не в чинах дело, — рассуждал по этому поводу секретарь парт-

кома Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой» Николай Прохорович Леонов, подведя меня к «Схеме объектов ДП-5» — мелкомасштабной карте местности, на которой объединение развернуло свои подразделения бок о бок с подразделениями субподрядчиков...

Корпус строителей числом в четыре с лишним тысячи человек вел бой за досрочный ввод в эксплуатацию первой очереди «Северянки». Согласно социалистическим обязательствам, опубликованным «Правдой», ввод ее в действие намечен был в конце одиннадцатой пятилетки. Сроки предельно сжатые, а потому партком счел необходимым создать на самой строительной площадке, рядом с «Северянкой», свой постоянно действующий здесь орган — партийный штаб, где мы и беседовали с Николаем Прохоровичем. В штабе регулярно собираются на совещания совет секретарей партийных организаций строительных подразделений, хозяйственные руководители, работники парткома объединения и городского комитета партии. Собираются — обсудить, рассмотреть, принять меры. Вдохнуть жизнь в тот или иной срочный вопрос...

— Так вот, повторяю, — продолжал Леонов, — не в чинах дело: посмотрите-ка получше на карту стройки...

Посмотреть действительно есть на что: центральный узел пятой зоны, район шлакоотвала, мощная электростанция, бункерная эстакада, район промпорта на Шексне, перегрузочный узел, центральная приточная линия, вытяжная станция, автодорога... Цвета — красный, зеленый, синий, коричневый, голубой... Хитросплетения могучего организма будущей великанши в анатомическом разрезе...

— Карта у нас вычерчена на стальном листе, — постучав по нему пальцем, рассказывал далее секретарь, — а к листу, как видите, прикреплены кубики-магнитики. Каждый из них — партгруппа. Вот, скажем, перешла подрядная комплексная бригада Вениамина Алексеевича Бухалова на другой объект, и мы тут же переносим сюда вот этот магнитик — партийную группу бригады. Кстати, партгруппоргом в ней сам бригадир. Коммунисты доверили ему в одном лице сочетать два командирства, и не ошиблись. Бухалов, это видно по делам его бригады, замечательный организатор. Вот партгруппы других наших знаменитых бригад — Кожокина, Смирнова, Розова, Максимова, Морозова, Трофимова... — Николай Прохорович поправил один из магнитиков на стальном листе схематической карты стройки, спросил и сам себе ответил: — Почему, собственно, мы придаем особое значение именно партгруппам? Их у нас сто шестьдесят шесть, и каждую держим в поле зрения парткома... Да потому, что, вспомню здесь одно умное высказывание, сражения выигрывают, конечно, генералы, но сражаются, как известно, солдаты. Победы армий обеспечивают отделения во взводах, командуют которыми сержанты...

Иван Васильевич Хомич служил в танковых войсках, был сержантом, да так, по Леонову, и остался им в гражданской жизни — «партийным сержантом». От партийной группы, им ведомой, зависит поистине очень многое в делах прорабского участка. Сами коммунисты постоянно отчитываются перед товарищами по группе, как живется им, работается. И живется неплохо, и работается. Все в партгруппе передовики соревнования. Беспартийных тоже приглашают: а вам какво? А мы, беспартийные, тоже не хуже. Давно уже на участке не было ни одного опоздания, ни случая брака либо еще какого нарушения. Свой план 1983 года участок выполнил на сто пятнадцать процентов, значительно повысив производительность труда. Взвесив возможности, он взял в 1984 году повышенные обязательства: в августе — надеть купол на домну, то есть закончить монтаж корпу-

са печи со сдачей его под огнеупорную кладку и сборку засыпного аппарата.

А тут вдруг челябинские металлурги что-то притормозили свою работу, не поставляют вовремя конструкции для домны! Нет уж, так этого дела оставлять нельзя, и Хомич «пошел». Обратился в партком треста «Череповецстальконструкция» — к секретарю парткома Михаилу Степановичу Кошевому. Тот — к Николаю Прохоровичу Леонову: допекло, мол, ребят, монтажников на домне, — сам Хомич приходил, ругается. Ну, секретарь парткома объединения — в другие ответственные инстанции с тем же: когда будут конструкции? Отвечают: потерпите. Мы-то можем потерпеть, да вот Ивану Васильевичу Хомичу невтерпёж больше, сердится Иван Васильевич. Что вы нас пугаете своим Иваном Васильевичем, кто он такой, чтобы нам его бояться? Отвечает Леонов: бригадир и партгрупорг, обещал вас сам проведать. Э-э, заурчала телефонная трубка, этого делать не надо, без этого обойдемся...

И правда, обошлось-таки: конструкции прибыли — дела снова заладились, даже немножко лучше прежнего пошли...

Видел я в Череповце и старушку первую домну, и вторую, и третью. Побывал на четвертой, когда-то считавшейся «гигантской», а затем перешедшей в разряд «средних». Впрочем, кому как, а мне и она показалась колоссом, эдаким выбравшимся из-под земли вулканом, изрыгающим из жароварящего чрева своего бесконечный поток «магмы» — чугуна. Попал как раз на юбилейную варку, ровно пятнадцать лет до этого «четверка» дала первый чугун. Полтора десятилетия без капитального ремонта!

Пятая домна «Северянка» вместит в себя две печи, подобные четвертой. Полезный ее объем — 5580 кубометров, высота по газоходам — 102 метра, диаметр по лещади — 19 метров. Столь крупных агрегатов, варящих чугун, как известно, ни у нас в стране, ни за рубежом пока нет и, вероятно, не будет, во всяком случае в Череповце, поскольку с пуском великанши в действие здешний металлургический комбинат полностью утолит свой голод на чугун.

А в жизни старшего прораба Михаила Томилина «Северянка», можно уверенно сказать, — последняя домна. Начав с первой, кончает пятой. И, таким образом, как он сам выразился, «завершает свой полный жизненный цикл». Добавим, блистательный, удивительный человеческий цикл — цикл жизни Человека созидającego!

Вот он, Томилин, водит меня по придомновому двору, на котором готовят конструкции к монтажу, и внушает, настойчиво внушает мне мысль, что именно здесь, на неярких, незаметных подготовительных работах закладываются качество и темпы дальнейшей сборки корпуса печи. Вот он вводит меня непосредственно в чрево будущего вулкана...

По крутым перелазам взобрались мы! на очень большую высоту, но уже не ощущаем ее, так как под нами — стальная, впритык к бокам домны площадка-круг. Гудит вся, дрожит. Но и над нами очень большая высота, очерченная стальными краями сооружения, прикрытая голубым кругом. В этот круг невидимый нам крановщик подает снаружи стальные плиты, и невидимый ему монтажник по радио корректирует их спуск. Сам кожух печи — из специальной сверхнадежной стали, которую варили в одном городе, а обрабатывали затем в двух других и вот наконец привезли и установили в четвертом, — сам кожух уже был полностью готов, а в нутре его шла установка холодильников — этих спускаемых сверху стальных плит. Плиты — по́лы; сюда, в эту трубку, будет поступать холодная вода, отсюда — кипяток.